Глава 3

СЛИШКОМ ЗАНЯТ, ЧТОБЫ ЖИТЬ

Молодежь не должна бояться мечтать о новом, прекрасном, светлом будущем... Наука, технологии, способы снижения трудозатрат, управление, организация труда, образование, медицина и, не в последнюю очередь, политика и государственное управление. Достижения в этих областях приближают к нам будущее, в котором нам не придется работать долгие часы до седьмого пота... Вещи, делающие жизнь интересной и приятной, будут доступны каждому. У людей будет больше свободного времени, которое они смогут посвятить образованию и отдыху, — таким образом, нам будут доступны насыщенная духовная жизнь, религия, искусство, саморазвитие и все то прекрасное, что есть в этом мире.

Речь кандидата в президенты США Дуайта Эйзенхауэра
на Республиканской конвенции в 1956 году

Джейн Вангснесс Фриш все время занята. Она готовится стать кандидатом наук. Она только что вышла замуж. Она работает на государственной службе и весь день проводит в офисе, который находится в пяти часах езды от дома, поэтому Джейн тратит 80% оставшегося времени на дорогу. Ее «личное» время — это когда она учится или едет за рулем. Нехватка времени стала образом жизни — ведь она надеется стать успешной. На что у нее не остается ни минуты? «На семью, — говорит двадцативосьмилетняя Джейн. — Мы с мужем решили подождать с детьми, ведь они потребуют много времени».

Вангснесс Фриш — первая выступающая из фокус-группы, собранной для изучения занятости в современной жизни¹. Она говорит, что единственное время, которое она тратит на что-то подобное развлечению, — это пробежки с подругой, которая считает это занятие эффективным: можно

и пообщаться, и позаниматься физическими упражнениями. Но Джейн признается, что ненавидит бег.

Напротив нее сидит Джош Малнури, тридцатидвухлетний сотрудник ИТ-отдела страховой компании, в которой работают по семьдесят часов в неделю. Он рассказывает, что у них с женой только что родился ребенок, и он еще занимается волонтерством в нескольких организациях. «Я никогда не успеваю сделать все, что необходимо, — говорит Джош, — и сейчас я уже опоздал на другое мероприятие. Наверное, придется меньше спать».

Трэвис Китч работает в двух местах. И там, и там у него очень требовательные руководители. Его жена тоже работает на полную ставку, и при этом они воспитывают двух детей с отклонениями в развитии. «Мы находимся в состоянии вечной занятости, — говорит он. — К тому же многие отдых воспринимают как грех и говорят “лень от лукавого”. Я, конечно, хотел бы больше времени уделять занятиям на каное, но...»

Во главе стола сидит пятидесятилетняя Бетси Бирмингэм. Она воспитывает пятерых детей, будучи профессором и замдекана в местном университете. «Последний раз, когда я смогла спокойно вздохнуть? — она выдерживает паузу. — На прошлой неделе, когда я делала ежегодную маммографию».

В эту минуту входит высокая стройная женщина с короткой стильной стрижкой. Волосы седые. Она извиняется за опоздание и представляется всем присутствующим. Ее зовут Дебора Доусон. Она объясняет причину опоздания болезнью собаки, которую пришлось везти в ветлечебницу с кишечными проблемами. Дебора задержалась и на еще одной встрече в библиотеке. Она переводит дыхание: «А потом я застряла в пробке!»

Я выглядываю из окна. С восемнадцатого этажа отеля Radisson, самого высокого здания в городе, где мы сидим в баре, видно всего лишь несколько машин, стоящих на светофоре. Светофоров в этом городе немного. До горизонта видны одни кукурузные поля. Мы находимся не в Нью-Йорке, не в Вашингтоне, не в Чикаго или Лос-Анджелесе.

Мы в городе Фарго, штат Северная Дакота.

Фарго. 107 тысяч жителей. Город находится на Великих равнинах, рядом граница с Канадой. Завод по производству тракторов — крупнейший работодатель в городе. На местной ярмарке продаются жареные сырны шарики и свиные отбивные на палочке.

«Жизнь в Фарго полна стрессов», — говорит мне Энн Барнетт, организатор фокус-группы. Но она явно не имеет в виду бурную Редривер, которая, выходя из берегов в половодье, смыкает все на своем пути, как это

несколько раз случилось в течение последних лет. Она имеет в виду обычную жизнь: «Люди просто сходят с ума».

Начав изучать вопрос нехватки времени, я обратилась к опыту жизни вне города. Воображение рисовало пасторальные картинки деревенского быта с красивыми пейзажами, обеднями в церкви и сидением на лавочках возле домов. Я думала, что сельская жизнь более упорядочена, да и дышится там легче. А потом я наткнулась на исследование Барнетт о занятости, которую она называет «великим ускорением» современной жизни. Пятидесятичетырехлетняя Барнетт — профессор кафедры коммуникаций и руководитель программы изучения женской психологии и вопросов взаимоотношения полов Университета Северной Дакоты в Фарго. И все ее респонденты живут в небольших городах Среднего Запада США.

Я тогда позвонила ей и спросила недоверчиво:

— А правда, что люди в Фарго очень заняты?

— Дорогая, — ответила Энн со смешком, — вы хотите познакомиться со слишком занятыми жителями Северной Дакоты? Я помогу вам.

И вот я здесь.

Когда официант приносит сырные шарики и диетическую газировку, Барнетт спрашивает у присутствующих, что движет их сверхзанятостью. Люди начинают говорить в ответ, что это ощущение заставляет их чувствовать собственную эффективность и значимость. Наличие свободного времени для них — показатель слабости. Даже мысль об отдыхе вызывает у них... чувство вины.

— У всего должна быть цель, — задумчиво говорит пятидесятидевятилетняя Доусон, удивляясь тому, что отдых для большинства пенсионеров, которых она знает, кажется настолько утомительным: и гольф, и путешествия, о которых они не преминут рассказать ей. — Доусон продолжает: — Возможно, это оправдание тому, как вы проводите свое свободное время. Когда вы чем-то заняты, то вы как бы говорите: «Вот кто я на самом деле. Я делаю что-то важное. Я не просто так занимаю место на Земле».

У Доусон пять детей. Она написала мемуары, сняла фильм, работает с сиротами в Судане и путешествует по Африке. Раньше она ходила в огромную каменную пресвитерианскую церковь в центре города, как ее родители, бабушка с дедушкой и целые поколения до них. Церковь находится всего лишь в квартале от ее дома. Она говорит, что хотела бы посещать ее и дальше: «Я бы нашла успокоение в душе, потому что храм Божий помогает отыскать место в этом мире. Но у меня не получается. Я слишком занята».

Энн Барнетт, женщина небольшого роста с прямыми русыми волосами до плеч, говорит медленно, но уверенно. Она стала изучать проблему нехватки времени и занятости несколько лет назад. Зная, насколько слова оказывают влияние на то, что происходит с людьми, она начала замечать, что люди вокруг стали больше говорить, как им не хватает времени². Термины вроде «цейтнот» или «дефицит времени» стали очень распространенными. Читая поздравления с праздниками, которые Барнетт доставала из почтового ящика, она даже начала считать, сколько раз люди упоминают в них о своей загруженности: «мы так загружены делами», «у нас был очень напряженный год», «мы заняты, заняты, заняты».

Заинтригованная, она стала собирать поздравительные открытки и письма — свои, друзей, коллег. После того как многие узнали об ее исследованиях, поток корреспонденции увеличился. Количество писем и открыток уже перевалило за несколько тысяч, а некоторые экземпляры датируются 60-ми годами прошлого века, — и весь этот ценный материал служит архивом и примером роста человеческой занятости.

Она достает огромные папки поздравительных писем, которых полно в ее рабочем кабинете. Мы начинаем разглядывать конверты, украшенные леденцами и рождественскими елочками. Сразу становится понятно, что за поздравительными вступлениями кроются проблемы, о которых люди хотели рассказать. «У нас и раньше был плотный график, а сейчас вообще не знаем, что делать», — написано в одной из открыток. «Весь год прошел сумасшедшими темпами!» — это письмо, кажется, было написано в приподнятом настроении. «Я не знаю, куда уходит мое время. Мне кажется, что я работаю все время, но, похоже, не успеваю ничего сделать», — пишет работающая мать троих детей.

Барнетт обводит кружком слова и предложения, появляющиеся с поразительной частотой: «суматошный», «замотанный», «трата времени», «сумасшедший», «не могу успеть все это сделать», «на бегу», «как все быстро». Дни сменяют друг друга, время бежит. «Быстрее, чем движется планета», — говорится в одном из писем. А в другом радость от наступления праздника сменяется перечислением того, что необходимо сделать: «Съездить в магазин, сделать карамель, испечь лепешки, купить печенье и слоеное тесто». Одна семья призналась, что из-за суеты не успела вовремя отправить рождественскую открытку: «Считайте это поздравлением с Днем святого Валентина!»³

Чем больше Барнетт читала эти письма, тем больше она замечала, что люди считают, будто они сильно заняты, и, соответственно, описывают

свою жизнь как наполненную делами и ничем иным. Некоторые даже хвастались занятостью и тем, что живут «постоянно на бегу». Они писали, что успевают сделать огромное количество дел в течение определенного времени. Все это было похоже на пустое бахвальство. Автор одного письма рассказал, что в праздники вместо традиционного барбекю ему пришлось «побывать сразу в Арканзасе, Луизиане, Миссисипи и Алабаме». А еще одна семья была не просто занята, а настолько загружена кружками и дополнительными занятиями детей, что мать семейства проезжала «сотни миль» в день.

Один бизнесмен написал, что вырастил три стартапа до уровня компаний, входящих в рейтинг крупнейших мировых компаний Fortune 500, и обошел весь земной шар на яхте со своей семьей. Во время путешествия они «учились общению с дельфинами и исследовали недавно открытые подводные вулканы». После прочтения этого письма Барнетт посетила свежая мысль: «Господи, их занятость — это предмет конкуренции. Они таким образом подтверждают собственный статус. Если человек занят, значит, он важен окружающим. Значит, он успешен и живет полной жизнью. У них есть четкая установка: “Я занят больше, чем остальные”. И если вы не настолько заняты, как ваши знакомые, то вы становитесь в их глазах неудачником».

Барнетт стала думать, что все эти рассказы о «сверхзанятости» в некотором роде «знак почета», заработанный для жизни в быстро меняющемся мире. И хотя за последние десятилетия поздравительные открытки стали содержать больше высказываний о нехватке времени, само время не изменилось. Земля по-прежнему делает один оборот вокруг своей оси за двадцать четыре часа. Что изменилось, так это культурные установки. Теперь люди не только хотят получить «все и сразу», они еще хотят успеть сделать все буквально «за день». Один из исследователей назвал эту гонку утомительным «ежедневным марафоном»⁴. Барнетт и другие ученые утверждают, что к концу XX столетия сверхзанятость стала не просто образом жизни. Она стала гламуром. Теперь считается, что она показатель высокого социального статуса⁵.

Барнетт зачитывает одно вполне типичное послание.

Я не уверена, что писать рождественские открытки, когда я работаю со «скоростью света», — хорошая мысль. Но, учитывая то, что я могу потратить на них совсем немного времени, похоже, у меня не остается другого выбора. Мы встаем

утром в 4:45, весь день у нас проходит на огромной скорости (могу сравнить это с тем, как будто мы засунули свою голову в блендер), и возвращаемся домой мы в 20:30, при этом выглядим ничуть не лучше, чем ведьмы на Хэллоуине, посаженные на кол, и еще удивляемся, как нам удалось хоть что-то успеть сделать за день.

А часы продолжают тикать. Письма и открытки становятся свидетелями того, что наша жизнь неумолимо проходит. Работа. Достижения. Награды. Путешествия. Уроки игры на гитаре. Выезды в спортивные лагеря. Баскетбольные матчи. Футбол в детском саду. Пояса тхэквондо. Замена тазобедренного сустава. Операции на сердце. Операции на позвоночнике. Юбилеи. Дни рождения. Похороны. Проверить, проверить, проверить.

Мы на время откладываем письма в сторону, и Барнетт звонит по скайпу двум коллегам насчет их исследования по вопросам занятости. Они изучают влияние сверхзанятости на личные отношения. Опрошенные пары жалуются, что у них не остается времени друг на друга. «Не могу вспомнить, когда мы разговаривали друг с другом», — сказал один из респондентов. Они сравнивают свою жизнь со «скоростным поездом», «американскими горками» или «каруселью, с которой невозможно сойти». Стараясь удержаться на плаву, пары ставят работу и детей на первое место. Свои же отношения они оставляют на заднем плане, в «самом низу семейной пищевой цепочки»⁶.

Новый проект Барнетт и ее коллег посвящен женщинам и их сверхзанятости. Исследователи сейчас изучают и анализируют язык, которым респондентки описывают свою жизнь. По словам коллеги Барнетт Бекки Дегрифф, одна женщина сказала во время интервью: «Статус больше не относится к марке машины, которую ты водишь. Он определяется твоей занятостью — количеством дел и мероприятий, в которых ты участвуешь». Другая женщина призналась, что судит о людях по количеству их свободного времени: «Если человек свободен, то это значит, что он ленив». Еще одна респондентка сказала с оттенком презрения в голосе: «Я не понимаю, как люди могут быть не заняты». Другая опрошенная сообщила: «Я настолько устала, что мне нужен длительный отпуск». Но при этом добавила, что никогда не брала его, потому что это было бы равносильно признанию того, что у нее не хватает сил продолжать работу⁷. Дегрифф рассказала о невольно подслушанном разговоре двух мам, которые в ожидании окончания занятий танцами у детей делали покупки в супермаркете и буквально мерялись

своей занятостью. Одна сказала, что ей нужно помочь заполнить и вернуть учителю табели успеваемости класса («я более занята, я выиграла»). Вторая только фыркнула в ответ и заметила, что у нее на двоих детей больше («нет уж, это я выиграла»).

По словам Барнетт, сверхзанятость стала у людей нормой жизни. Они должны или ей соответствовать, или превратиться в изгоев общества. Она говорит: «Никто не пишет “время остановилось” или “мне нечем заняться”». Они даже перестали ходить по барам, ссылаясь на занятость. Но в то же время они не рассказывают о негативных последствиях сверхзанятости. Никто вам не расскажет о доме, требующем уборки, о горах грязного белья или об ожирении, которое стало следствием того, что люди перестали готовить нормальную домашнюю еду. Это обратная сторона занятости, о которой, впрочем, вы не узнаете из писем».

Барнетт отмечает удивительную вещь: некоторые люди утверждают, что слишком занятая жизнь — их личный выбор, чтобы добиться успеха и дать детям возможность уверенно чувствовать себя в будущем. Другие отказываются от сверхзанятой жизни, хотя и понимают, что современные реалии требуют постоянного «бега по кругу». Барнетт отмечает: «Даже если вы не выбираете сверхзанятость, она сама находит вас. Я называю это выбором без выбора. Хотя у людей выбор есть всегда. Многие, кажется, сами создают себе образ сверхзанятого человека, даже если им это не нужно. Вспомните об автомобильных пробках в Фарго. И зачем люди по своей воле выбирают нехватку времени — она же не приносит им никакого удовлетворения? Мои исследования это подтверждают».

Эдсон Родригез, социолог, изучающий поведение работающих семей в Лос-Анджелесе, также озадачен этим вопросом. По его мнению, сверхзанятость стала мощным поведенческим фактором и частью современной культуры. Человек вынужден подчиняться этим нормам. «Культурные установки намного сильнее личности, даже если эта личность соответствует принятым нормам», — говорит он.

Люди, как правило, стараются соответствовать нормам поведения, принятым в обществе. В 50-х годах прошлого столетия психологи поставили эксперимент: испытуемые помещались в комнату с несколькими другими участниками эксперимента, которые намеренно давали неправильный ответ на вопрос о длине нескольких линий. Несмотря на то что ответ был очевидно неправильным, трое из четверых испытуемых соглашались с неправильными ответами. Грегори Бернс, профессор психиатрии

и бихевиоризма* Университета Эмори, дал еще больше обоснований человеческому конформизму. Надев на испытуемых датчики, сканирующие работу мозга, он показал им на мониторе компьютера две различные трехмерные фигуры и предложил ответить на вопрос, одинаковые они или разные. При этом он показал участникам эксперимента фотографии других людей и ответы, которые они ранее якобы дали на этот вопрос. Результаты оказались впечатляющими. Как только кто-либо из испытуемых начинал сомневаться в «подсказанном» ответе, миндалевидное тело, отвечающее за центр страха в мозгу, начинало активно сопротивляться. Но этим дело не заканчивалось. Когда все участники эксперимента давали неправильный ответ, у них отмечался рост активности части мозга, ответственной за восприятие, а не осмысленное принятие решений и контроль противоречий. Настолько большим было желание согласиться с предложенным вариантом. Из этого Бернс сделал вывод, что стремление соответствовать норме было настолько сильным, что мозг на самом деле изменил восприятие картинки, предложенной испытуемому⁸.

«Мы на культурном уровне превратили скорость в добродетель. Если вы заняты, если вы работаете быстро, если вы “крутитесь” в течение дня, то вы становитесь лучше. Вы достигаете успеха, — говорит Родригез. — Нас сравнивают с окружающими и порицают, если мы не соответствуем этим ожиданиям современной культуры. И вы думаете: “если у меня на сегодня нет дел, то что-то происходит не так”».

Люди везде стремятся к тому, чтобы быть занятыми, даже в глубинке⁹. Они заявляют социологическим службам, что у них нет времени принять участие в опросе¹⁰. Они выглядят важными и занятыми, проверяя почту на своих смартфонах раз в десять минут, хотя, возможно, это уже просто вошло у них в привычку¹¹. Опросы свидетельствуют, что люди не могут ни с кем подружиться за пределами своих офисов¹². У них нет времени на свидания¹³. Нет времени на сон и секс¹⁴. Восемь из десяти англичан говорят, что они слишком заняты, чтобы съесть десерт, хотя четверо из десяти опрошенных утверждают, что десерт лучше, чем секс¹⁵. Мы настолько торопимся жить, что даже длина роликов с видеобращением кандидатов в президенты снизилась с 40 секунд в 1968 году до 7,3 секунды в 2000 году¹⁶.

* Бихевиоризм — буквально «наука о поведении» — полагает, что сознание доступно научному изучению только через объективно наблюдаемые акты поведения.

Люди говорят, что у них нет времени на отпуск¹⁷ и даже на обед¹⁸. Вот на чем основаны рекламные кампании фастфудов: «Возьми готовый обед — прямо здесь и сейчас!» Сайты туркомпаний предлагают клиентам полностью использовать свой отпуск. А Управление Лас-Вегаса по работе с туристами разместило рекламные щиты с изображением измотанной сотрудницы офиса, пытающейся забраться на верхушку заваленного бумагами рабочего стола с плакатом, на котором написано «В отпуск — сейчас!»¹⁹

Один врач сказал, что современное стремление к вечной занятости — патология. Он назвал это «болезнью времени»²⁰. Другие утверждают, что проблема имеет психологические корни, и называют это состояние «хронофилией»²¹.

Психологи пишут о пациентах, находящихся в крайней степени духовного истощения, которые считали, что занятость позволяет считать человека компетентным, умным, успешным, которым вдобавок можно восхищаться и которому можно завидовать²². Психиатр Эд Хэллоуэлл в своей книге *CrazyBusy: Overstretched, Overbooked, and About to Snap!* («Безумно занят: перенапряжен, перегружен и скоро взорвусь!») написал, что этот синдром вызвал в современном мире целую эпидемию²³. Он утверждает, что, кроме мнимого достижения высокого статуса, сверхзанятость вызывает психическую зависимость. Я знаю об этом из опросов. Один молодой человек сказал мне: «Это же круто, когда ты делаешь сразу тысячу дел и у тебя все получается».

Синдром сверхзанятости уже стал предметом анекдотов и шуток. Актриса Кейси Уилсон рассказала в интервью о своей героине, Пенни, которая в телесериале *Happy Endings* («Счастливей конец») сокращает слова, например «умор» вместо «уморительный» и «спс» вместо «спасибо», потому что она слишком занята, чтобы произносить их целиком²⁴. А в выпуске передачи *Saturday Night Live* («Субботним вечером в прямом эфире») Сет Майерс* рассказал анекдот: «Вы все знаете, что гиганты ретейла продают свежесрубленные рождественские елки через интернет, чтобы быть ближе к покупателю. А если вы доплатите еще несколько долларов, то вам эту елку поставят и нарядят. Кроме этого, за вас распакут подарки, поиграют в новые игрушки и получают всю ту радость от праздника, на которую у вашей семьи, судя по всему, нет времени»²⁵.

* Сет Майерс — американский актер и комик. Наиболее известен по шоу «Субботним вечером в прямом эфире» и фильму «Американская мечта».

Мы настолько привыкли преклоняться перед сверхзанятостью, что исследователи уже говорят об отвращении к свободному времени и потребности в оправдании сверхзанятости. Кристофер Хси, психолог и профессор бихевиоральных наук Чикагского университета, попросил девяносто восемь студентов заполнить анкету. Затем он предложил им выбор: они могли спокойно сидеть и ждать пятнадцать минут до начала следующего опроса или прогуляться вокруг аудитории, а потом вернуться и сдать анкеты — это был аналог бесполезной занятости. Хси обнаружил, что те студенты, которые выбрали прогулку, были довольнее остальных. Потом он написал: «Если люди остаются без дела, они несчастны»²⁶.

Даже самые влиятельные и богатые люди сегодня суперзаняты. Элита общества больше не демонстрирует показное праздное времяпрепровождение, как это было раньше. Представители деловых кругов скорее напоминают мегазвезду рок-группы U2 Боно, который постоянно летает в Африку и мировые столицы, встречается с политическими лидерами разных стран и ратует за поиск лекарств против СПИДа и за прощение долгов беднейшим государствам. Он выполняет свою гуманитарную миссию между концертами и написанием новых песен. Основатель Microsoft миллиардер Билл Гейтс известен тем, что спал в свое время под рабочим столом у себя в офисе, чтобы не терять ни минуты рабочего времени. Теперь он старается не упустить его в поисках новой вакцины от малярии, продвигая при этом еще и инновации и реформы в сфере образования. Он настолько занят, что уже забыл о любимых гольф-клубах²⁷. Такие знаменитости, как известный шеф-повар Маркус Самуэльсон, берут на себя как можно больше работы и привыкают жить в таком темпе всю оставшуюся жизнь. Самуэльсон сам готовит, управляет шестью ресторанами, собирает коллекцию кухонной посуды, выпускает чай под собственным торговым знаком, участвует в делах авиакомпаний и платежных систем, выступает на телевидении, ведет два сайта, написал мемуары и четыре кулинарные книги²⁸. «В современном обществе, где ценностью считаются деньги, — пишет колумнист Дэниэл Гросс, — иметь свободное время и ничего не делать — значит не соответствовать духу эпохи»²⁹.

Я встречалась с аналитиками Leisure Trends, компании, занимающейся изучением потребительского спроса и маркетингом в области спорта, отдыха и развлечений в Боулдер-Сити (Колорадо). Они впервые заметили, что сверхзанятость вошла в индустрию отдыха в 90-х годах прошлого века

вместе с дотками*». «С тех пор свободное время вызывает у людей тревогу и беспокойство, — говорит Джулия Кларк Дэй, вице-президент по маркетингу и продажам, — у них его стало меньше, им нужно было работать намного больше, и они хотели точно знать, чем они будут заниматься в свободное время». С тех пор сверхзанятость изменила индустрию отдыха и развлечений. Если раньше торговые сети предлагали товары туристам, которые готовились к недельным туристическим походам, продолжает Джулия Кларк Дэй, то теперь, с ростом занятости людей, эти же сети фокусируются на продажах товаров для покупателей, предпочитающих короткий отдых: пикник или рыбалку в выходные. Затем временные характеристики отдыха немного расширились — это произошло в 2001 году, тогда люди могли провести за отдыхом около одного дня в неделю. Но к 2010 году количество времени на досуг, которое люди могли себе позволить, опять снизилось до четырех часов: отдыхающие могли, например, поехать на ближайшую реку для семейного сплава на каноэ. Люди стали задаваться вопросом, как можно отдохнуть поближе к дому, чтобы не тратить время на дальние поездки. «А теперь люди думают, чем им заняться во время обеда в течение сорока пяти минут, — уточняет Кларк Дэй. — Одна из производителей обуви и товаров для спорта и досуга первой предложила концепцию десяти-пятнадцатиминутного “моментального отдыха”. Она хочет приучить людей выходить хотя бы ненадолго на улицу и заниматься каким-нибудь любимым делом. Или просто подвигаться»³⁰.

Никто не мог предполагать, что жизнь в начале XXI столетия будет настолько занятой. В работе «Экономические возможности для наших внуков» в 1930 году экономист Джон Мейнард Кейнс предсказывал к 2030 году пятнадцатичасовую рабочую неделю, окончание борьбы людей за выживание и время, которое будет посвящено наслаждению жизнью: «И час, и день будут проходить добродетельно и хорошо». В 50-х годах прошлого века некоторые выдающиеся мыслители считали, что после Второй мировой войны производственный бум, улучшение условий жизни и повышение доходов до невиданного уровня у жителей индустриально развитых стран приведут к эпохе, в которой у людей будет много времени на отдых и развлечения. Предполагалось, что все наши основные потребности будут удовлетворены.

* Дотком — термин, применяющийся по отношению к компаниям, чья бизнес-модель целиком основывается на работе в интернете.

Будучи свободными от тяжелого и изнуряющего труда, мы станем лишь наслаждаться плодами прогресса. Подобно древнегреческому идеалу городской жизни, мы бы проводили время, развивая душу и разум. Экономисты, ученые и политики (в том числе Ричард Никсон, бывший в то время вице-президентом США) предсказывали, что к 90-м годам XX столетия американцы должны будут работать по двадцать два часа в неделю, шесть месяцев в году или уходить на пенсию в тридцать восемь лет³¹. Многие тогда думали, что четырехдневная рабочая неделя уже маячит на горизонте. В 1959 году сенатор Юджин Маккарти созвал специальные слушания по поводу уменьшения количества рабочих часов с сорока в неделю, которые предусматривало законодательство начиная с 1938 года³².

Сама мысль о том, что все должны иметь свободное время, была достаточно радикальной. В течение всей истории человечества оно было доступно лишь самым богатым и влиятельным членам общества. В 1959 году в Harvard Business Review вышла статья, в которой говорилось: «Скука, которая раньше беспокоила только аристократов, стала общим проклятием»³³. Ученые беспокоились, что рабочие, непривычные к такому количеству свободного времени, могли всерьез погрузиться в безделье. В начале 60-х годов телекомпания CBS показала один предновогодний круглый стол с участием журналистов, на котором был задан вопрос: «Какой жесточайший кризис может ожидать американцев в будущем году?» Один из участников сказал о возможном усилении холодной войны. Второй отметил риск революций в Латинской Америке. А опытный тележурналист Эрик Севарейд рассказал о самой страшной угрозе, с которой могут столкнуться американцы, — «торжестве праздности»³⁴.

Сама по себе праздность — это не лень, безделье или легкомыслие. Она, как говорит исследователь досуга и отдыха Бен Ханникатт, помогает нам открыть замечательный и удивительный мир того настоящего, в котором мы живем. Он называет это «чудом настоящего»: выбирайте то занятие, которое поможет вам освежить свою душу. Иначе лучше вообще ничего не делать. Просто живите и чувствуйте свою жизнь. Возвышенные древние греки называли праздность словом *skole*, которое позже во многих языках стало означать «школу». Они считали праздные часы великолепной возможностью познать себя, свои страсти и увлечения, окружающий мир. Это время было предназначено не только для игр, отдыха и общения, но и для медитации, раздумий и размышлений³⁵.

История демонстрирует, что именно в праздности, а не в труде были сделаны величайшие изобретения и открытия, а также созданы лучшие

произведения искусства. И все это было достигнуто элитой общества — людьми, знавшими толк в наличии свободного времени и ценившими его, так рассказывал мне Джонатан Гершуни во время того самого обеда в Париже. Бертран Рассел* писал: «Праздничный класс» развивал науку и создавал искусство. Он писал книги, изобрел философию и совершенствовал отношения в социуме. Даже освобождение угнетенных было начато с самых верхов. Без «праздного класса» человечество навсегда осталось бы диким и невежественным». В работе «Похвала праздности» (1932) Рассел говорил о наступающем веке современных технологий, которые должны помочь людям сократить их рабочее время и дать всем равные возможности в части отдыха и свободного времени. По его мнению, работа и досуг должны были стать «восхитительными», и весь мир изменился бы в лучшую сторону: «Любой интересующийся науками сможет удовлетворить свою тягу к знаниям, а художники станут творить без необходимости голодать при этом... И более того, все будут счастливыми и получать от жизни только радость, а не испытывать беспокойство, усталость и расстройство пищеварения».

На протяжении всей истории человечества необразованные бедняки и рабочий класс имели по крайней мере немного свободного времени — если уж не для духовного времяпрепровождения, то хотя бы просто свободного от работы. Экономист Джулиет Шор пишет, что в IV веке н. э. в Риме было 175 выходных дней в году. В Средние века, несмотря на то что крестьяне и крепостные работали в полях с раннего утра и до заката солнца, у них были перерывы на завтрак, обед, полуденный отдых и ужин. Также они немного отдыхали утром. Церковные праздники, субботы и дни святых, официальные выходные, народные гуляния и государственные праздники, а также недельные «пивные отгулы», посвященные важным событиям в жизни: рождению детей, свадьбам или похоронам, — занимали более одной трети года в Англии. По расчетам Шор, в Испании и Франции даже у самых занятых представителей рабочего класса нерабочие дни составляли около половины года³⁶.

Все изменилось, говорит она, с появлением часов в XIII веке, а также с развитием мануфактур. Появился принцип «время — деньги», и хозяева фабрик поставили под контроль и время рабочих, и финансовые потоки. Продолжительность рабочего времени стала увеличиваться до пределов возможного. К концу XIX века 15 рабочих часов в день при одном выходном

* Бертран Рассел (1872–1970) — британский философ, общественный деятель и математик.

дне в неделю или совсем без выходных стали обычным явлением, даже стандартом для работодателей. До 1923 года в американской сталелитейной промышленности был принят двенадцатичасовой рабочий график без выходных³⁷. Во время забастовки работников мельниц в 1912 году в городе Лоуренс штата Массачусетс женщины, которых было большинство среди рабочих, пели: «Да, мы трудимся ради хлеба. Но нам нужны еще и розы, и мы боремся за них тоже». «Они боролись за время для семьи, за время для отдыха, — говорит Эллен Браво, лидер движения «Семейные ценности и работа», которое поддерживает интересы рабочих семей, — они хотели иметь свободное время не ради легкомыслия или праздности, а чтобы посвятить своим семьям. Мы все должны иметь время для роз».

В 50-х годах прошлого века количество рабочих часов стало снижаться. Соответственно, у людей стало появляться больше свободного времени.

«Вот о чем я и хочу спросить, — сказал мне Бен Ханникатт. — Что же произошло?»

Сегодня некоторые считают, что работа в профессиональных областях инновационной экономики, таких как искусство, технологии, инжиниринг, коммуникации, политика, аналитика, наука, образование и им подобные, больше похожа на проведение досуга: это как раз то, о чем говорили еще древние греки, и такая вовлеченность в жизнь через работу полезна³⁸.

Но экономисты вроде Шор утверждают, что ненасытная индустрия рекламы создает новые желания, ведущие к невероятным потребительским расходам, которые сегодня составляют 70% экономики США. Поразительный рост стоимости медобслуживания, жизни в целом, постоянный резкий рост цен на недвижимость опередили рост зарплат. В результате мы видим, что долги домохозяйств достигли исторического максимума³⁹, а люди буквально утопают в ненужных вещах, став жертвами, как говорит Шор, порочного круга «работай и потребляй».

Ханникатт видит еще более глубокие изменения: «Работа заняла центральное место в нашей жизни, давая ответ на самые главные вопросы вроде “кто мы такие”, “каков смысл нашей жизни” и “каких целей в жизни мы хотим достичь”, — говорит он. — Мы превратили свободное время в банальность, в то, к чему только молоденькие дурочки стремятся, чтобы посвятить его шопингу и сплетням».

Даже в академической среде ученые и аналитики признаются, что им иногда неудобно говорить, что они изучают вопросы свободного времени. Когда я писала эту книгу и общалась с множеством ученых, то часто

получала именно такой ответ. Карла Хендерсон, изучающая проблематику свободного времени у женщин в Университете Северной Каролины, с сомнением разглядывает заголовок своей статьи «Не смейтесь, когда я говорю “отдых”». «Моя мама, наверное, думает, что я изучаю разные глупости», — говорит она мне. Ее факультет изучения досуга был переименован в факультет паркового, досугового и туристического менеджмента. Карла продолжает свою мысль: «Мы живем в обществе, где принято считать, что проводить время на работе — это лучше, чем отдыхать и развлекаться. Но когда вы начинаете понимать, что такое свободное время, как оно влияет на качество жизни, на личные отношения, то вам становится ясно, что свободное время — это очень и очень важно. Мы неправильно понимаем, что такое свободное время. И именно поэтому люди его стыдятся».

«Без времени на размышления, без созерцания того, что происходит с нами сейчас, и без понимания жизни как божественного дара, — говорит Ханникатт, — мы будем обречены жить в бесцельной и банальной занятости. У нас не останется способности любить, а это ведет к появлению “беспокойного сердца”, как говорил святой Августин. Мы просто доведем себя до отчаяния и не сможем дальше нормально жить и работать».

Мы сидим с Энн Барнетт за столиком в кафе кампуса Университета Северной Дакоты. Она выкладывает передо мной пачки писем, которые я видела в ее кабинете. Все письма аккуратно упакованы в оберточную бумагу и отсортированы по годам.

— Н — это оценка? — спрашиваю я. — За хорошее рождественское письмо?

— Н — это «настоящий», — отвечает Барнетт. — Эти письма показывают, насколько настоящей может быть жизнь.

— В смысле? — недоумеваю я.

— Они понимают, что жизнь конечна, — отвечает Энн. — Они знают, что когда-нибудь умрут.

— Как-то жестко для рождественских писем, — говорю я.

— Когда вы осознаете, что вам мало осталось, вы начинаете больше ценить время, — произносит Барнетт.

— Это удручает, — отвечаю я.

— Это, — говорит Барнетт, — означает то, что нужно жить честно и смело, смакуя каждую минуту. У человека есть время остановиться и насладиться ароматом розы. Человек понимает, что прошлое ушло, а будущее неизвестно.

Вы можете быть по-прежнему заняты, но вы будете наслаждаться каждым моментом жизни.

Немецкий философ Мартин Хайдеггер писал, что настоящая жизнь требует того, чтобы человек всегда помнил и о жизни, и о смерти, поясняет Барнетт. По-немецки он называл это *dasein*, что буквально означает «человеческое бытие». Мало кто из нас способен на это. Возможно, человеческая природа такова, что мы всеми силами стараемся избежать мыслей о том, что жизнь конечна, и в то же время мы не можем этого избежать. Может быть, поэтому сверхзанятость так привлекательна. Если у нас никогда нет времени остановиться и подумать, мы никогда не встретимся лицом к лицу с ужасной правдой.

Барнетт с коллегами сделали случайную выборку из почти шестисот рождественских писем, чтобы выделить примеры «настоящей» жизни. Они нашли только тридцать два таких письма. Она показывает мне пример: «Дорогие друзья, Хизер и Йон. Это мое восьмидесятое Рождество. Я уже давно понял, что жизнь все больше становится процессом ОТПУСКАНИЯ близких, семьи и друзей, которые были больше, чем семья. Сейчас я только вспоминаю о тех местах, в которых любил бывать, и о делах, которые приносили мне радость». Другое письмо описывает, как почти смертельная авария на дороге стала поводом для одной семьи задуматься о «скоротечности этой прекрасной жизни вдвоем».

«Подавляющее большинство тех, чьи письма мы изучали, — говорит Барнетт, — жили в этом мире в состоянии “отвлеченности”, как говорил Хайдеггер. Они не осознавали самого важного, будучи слишком поглощенными своей постоянной занятостью». «Жизнь коротка, — так написали Барнетт и ее соавторы в анализе исследуемых писем, — мы крутимся как белки в колесе и не можем осознать настоящее предназначение своего существования. Мы не замечаем собственного счастья и часто не понимаем смысла жизни»⁴⁰.

Я с сожалением подумала о собственной «отвлеченности», вспомнив, что с течением лет мои сердечные и искренние поздравительные открытки свелись к коротким поздравлениям на странице в Facebook.

Барнетт говорит, что нам пора. Мне — в аэропорт, а ей — на сеанс лучевой терапии. У нее рак. Мы аккуратно упаковываем свертки с рождественскими письмами. Отъезжаем от Radisson, и она говорит, насколько занятой она всегда была. Годы неслись с безумной скоростью: Барнетт занималась преподаванием, исследованиями, заседала в различных советах государственного

масштаба, водила дочь на занятия по фортепиано, соревнования по ораторскому искусству, концерты и организовывала ей замечательные вечеринки на дни рождения. За день до моего отъезда во время ужина дочь Барнетт, которой двадцать один год, сказала мне: «Сколько себя помню, я всегда была чем-нибудь занята. Я даже не знаю, что мне делать со свободным временем, если оно у меня появляется». Энн Барнетт на самом деле такая же. Перед тем как она узнала о болезни, Барнетт чувствовала дикую усталость. У нее не оставалось времени на себя, она все отдавала близким и работе. Иногда Энн задается вопросом: а если это отчасти стало причиной ее болезни? И если бы она знала о возможных последствиях, изменила бы что-нибудь в своей жизни? И отвечает сама себе: нет. Лечение заставляет ее сбавить обороты и замедлить жизненный темп. «Это раздражает, и я чувствую себя немного виноватой, — говорит Барнетт. — Еще так много всего, что я хотела бы сделать».